

„Главная книга“.

Въ Москвѣ, вѣроятно же всего, на Ильинскѣ, возвышается солидно, многоэтажное зданіе: «Т-ва мануфактуры бр. Ф. и И. Бросовы». Дѣло огромное, миллионное, дѣдовское. Издѣліями своими мануфактура снабжаетъ всю Россію, но въ лабораторію этого учрежденія — въ его правленіе, контору, кабинетъ директора, заглядываютъ очень немногіе, только свои люди. А міръ, скрывающійся за толстыми стѣнами этого дома, интересный и своеобразный.

Авторъ «Главной книги» г. Разумовскій упиточааетъ эту мѣшающую видѣть стѣпу и вводитъ насъ въ правленіе, контору и кабинетъ.

Дѣлаетъ это онъ въ буквальный смыслѣ, т. е. употребляя довольно эффектный въ сценическомъ отношеніи приѣмъ: при поднятіи занавѣса въ началѣ пьесы мы видимъ передъ собой фасадъ дома. Вотъ онъ, угрюмый, мрачный, безъ архитектурныхъ вычуръ, солидный, дѣдовскій домъ. Затѣмъ стѣна, «четвертая» театральная стѣна, поднимается — и передъ нами внутренность дома — контора и отдѣленный отъ нея стеклянной перегородкой кабинетъ директора.

Въ конторѣ — бухгалтеръ, племянникъ Бросовыхъ, его помощникъ, корреспондентъ, конторщики, ремингтонистка; въ кабинетѣ — глава фирмы старикъ Федоръ Бросовъ, его младшій братъ Илья, тоже директоръ, и сестра ихъ, кандидатка въ директора. Дарья Бросова, дѣвица.

Федоръ — старого вѣка, кремень. На немъ держится все дѣло. Личность цѣльная и по-своему даже красивая. Онъ глубоко чуждъ какимъ бы то ни было новшествамъ, отъ полноты души презираетъ великія идеи, и весь въ дѣлѣ. Онъ чувствуетъ въ себѣ послѣдняго хранителя старыхъ традицій, онъ весь вытянулся въ стремленіи поднять пошатнувшееся нѣсколько дѣло; для этого онъ не остановится ни передъ жестокостью къ служащимъ, ни передъ многими поступками весьма сомнительной нравственной цѣнности, ни даже просто передъ фальшивымъ балансомъ. Но сестъ въ то же время въ немъ какіе-то свои устои, что-то самобытное, цѣльное, крижистое, дѣлающее изъ него фигуру не отталкивающую, не противную.

Братецъ Илья — полная противоположность: глупый, толстый, дурашный, умѣющій только проживать деньги, презираемый служащими, находящійся въ полномъ подчиненіи у Федора. Въ одномъ

братѣ вылились положительныя (условно, разумѣется) свойства породы, въ другомъ, словно зачатомъ въ чадѣ купецкаго пьянства, — ся минусы. Сестрица — такъ себѣ купецкая дѣвица: хорошо пьеть коньякъ, прекрасно разбирается въ торговыхъ отчетахъ, даетъ депги на изданіе «Вопросовъ біологіи», приближаетъ къ себѣ ловкаго и интереснаго юрисконсульта фирмы.

Вотъ, собственно, и все.

Фабулы почти, совершенно, не имѣется. Дѣйствующими лицами пьесы являются не перечисленные люди, — дѣйствующимъ лицомъ является торговый домъ. Его нравы.

Капиталисты сидятъ на шеѣ у своихъ служащихъ, эксплуатируютъ ихъ; служащіе тупутъ лямку, переживаютъ въ себѣ и промежъ себя всякія невзгоды, въ родѣ лишенія наградныхъ; подчасъ устраиваютъ школьные выходы, вродѣ письма, которое подсовывается для подписи Ильѣ Бросову, котораго дразнить Матрешкой. Въ этомъ письмѣ «Матрешка, сознавая всѣ свои непогрѣбства», обязывается передъ служащими цѣлымъ рядомъ обязательствъ. Когда же терпѣть становится не въ мочь, даже обращаются съ петиціей, изъ которой ничего, конечно, не выходитъ. Этотъ протестъ служащихъ рисуетъ дѣло, кажется, въ несовсѣмъ вѣрныхъ краскахъ; здѣсь чувствуется идеализація. Конторскіе служащіе, лѣзущіе на рожонъ, добивающіеся справедливости, отстаивающіе несправедливо выгоняемаго товарища, — можетъ быть, это, въ видѣ исключенія, и бываетъ, но въ тысячу разъ чаще бываетъ другое: тянутъ люди лямку, безмолвствуютъ, перенося лишнія; безмолвствуютъ, когда товарищи вылетаютъ даже не поодиночкѣ, а цѣлыми группами, и понимаютъ, что полная необезпеченность дѣласть безумной самую мысль о протестѣ.

Фабулы, какъ я сказалъ, почти никакой. И это хорошо. И когда является фабула, въ видѣ письма, о которомъ я упомянулъ въ видѣ сцены стараго Федора Бросова съ шалопаемъ сыномъ, въ видѣ протеста служащихъ, то это скорѣе вредитъ пьесѣ, въ которой самое цѣнное — быть; быть конторы, быть современнаго московскаго купечества.

Это сдѣлано интересно, умѣючи, съ большимъ знаніемъ дѣла; отъ этого вѣтъ свѣжестью. Есть что-то, отрывающее отъ обычнаго сценическаго дѣйства и дающее иллюзію подлинной жизни.

Пьеса очень недлинная, кончается раньше одиннадцата, но она могла бы и еще сократиться, особенно въ третьемъ актѣ,

въ которомъ положительно необходимо сдѣлать большія купюры, отчего это яркое дѣйствіе очень выиграло бы.

Успѣхъ «Главная книга» имѣла огромный. Вызовы автора начались уже послѣ перваго акта. Послѣ втораго они перешли въ настоящую овацію. Шумными, многочисленными вызовами автора сопровождалась и всѣ остальные акты. Пріемъ можно назвать восторженнымъ.

Соотвѣтствуетъ ли онъ достоинствамъ пьесы? И цѣтъ, и да. Самъ авторъ, думается, не признаетъ въ своемъ произведеніи качествъ, дѣлающихъ ее большимъ, истинно-художественнымъ произведеніемъ, но въ ней много того хорошаго, что подчасъ стоитъ художественности. Во всякомъ случаѣ, успѣхъ новой пьесы г. Разумовскаго обезпеченъ, и это успѣхъ, въ значительной мѣрѣ среди тѣхъ, кому на собственной шкурѣ приходится переживать предельную зависимость отъ капитала.

Этому успѣху очень способствовали и исполнители, и режиссеръ, и декораторъ. Въ постановкѣ не было никакой нарочитой придуманности, но все было необыкновенно типично, характерно. Сцены въ конторѣ, въ то время, какъ дѣйствіе идетъ въ кабинетѣ, полны жизни, дѣлаютъ большую честь режиссеру, а исполнители часто заставляли забывать о театрѣ. Оригинально, когда исполнители смотрятъ въ зрительный залъ, разсматривая видную имъ черезъ воображаемыя окна похорошную процессію.

Среди исполнителей на первый планъ нужно поставить г. Неронова; онъ такъ играетъ Илью Бросова, что трудно сказать, какою выгядѣла бы пьеса, не будь такого исключительно прекраснаго исполнителя. Точно такъ же художествененъ г. Балакиревъ, въ роли Федора Бросова. Въ театрѣ рѣдко приходится видѣти такую нетеатральную фигуру. Большихъ похвалъ достойны г-жа Васильева (Дарья Михайловна), г. Грузинскій (бухгалтеръ гг. Ордынскій, Кузнецовъ и Карѣевъ).

За то совсѣмъ плохъ и фальшивъ г. Лихачевъ (сынъ Федора), портящій автору одну изъ эффектныхъ сценъ.

Изъ-за кумисъ автору поданъ былъ вѣнокъ.

С. Я.